

Марина Саввиных

Южный ветер в бетонном лесу

О лирике Романа Солнцева

Мне было восемнадцать лет. Я писала курсовую работу по советской литературе. Тема — чего-то там в поэзии Романа Солнцева. Книжка, которую я прочла первой из всех солнечных книг, называлась «Необщая тетрадь». Я читала — а надо мной веяли тени Ахматовой, Мандельштама, Волошина... Можно себе представить, в каком водовороте взаимоисключающих впечатлений происходило распечатывание темы! И всё же... встреча состоялась.

Герой этих стихов представлялся мне мальчиком, доверчивым, видимо, ещё совсем не умеющим обращаться с громоздкой штуковиной под названием «жизнь»... непременно с огромными чёрными глазами... с тонкими нервными пальцами... Так ведь оформляется телом музыкальная стихия души!

В этом ребёнке было много музыки. Я сама в те годы много писала стихов, пытаюсь совладать с собственной музыкой, которая рвалась из души вон, не находя себе места на нотном стане, поэтому чужая песнь — даже зачаточноскуромная — вызывала во мне умиленно-родственные чувства. А тут музыки было много! Она была странная, иногда — и вправду чужая, иногда — сжатая, сдавленная, прорывающаяся сквозь знакомые, приевшиеся даже, ритмы отшутивших и оплакавших шестидесятых. В этом ребёнке... Мне было восемнадцать. А ему? Около тридцати или чуть за тридцать? Или только об авторе можно сказать, сколько ему лет? А герой стихов — всегда дитя?

Мальчик нашёлся! Нашёлся маленький мальчик... в синих чернилах рот. Нашёлся среди множества предметов провинциального быта (включая модные космогонические и физико-технические теории), в толпе, заряженной (пока ещё) повседневным оптимизмом...

Я нашёлся? Я?!

Весь двадцатый век в этом вопросе. Вся лирика. Ко времени, когда Солнцев стал печатать свои стихи, он вовсе не был нов, этот вопрос. Удивляла страстность вопрошания — и столь же страстные попытки выстроить ответ из того, что оказывалось под рукой. Темперамент то ли живописца, то ли физика-демиурга, задумавшего из осколков

метеоритного дождя соорудить оранжерею с розами, фиалками, васильками... чтобы всему этому было тепло, уютно, добро и весело...

Материал идёт на автора войной. Почти всегда. Вымолвить: ЭТО Я, — значит, сказать: ТАК УСТРОЕН МИР.

Тут-то и начинается самое интересное. Оказывается, мир устроен не БЛАГОДАРЯ, а ВОПРЕКИ. Оказывается, Я и МИР отражают друг друга с точностью до наоборот. Оказывается, музыка и жизнь — стихии не только родственные, но и враждебные. Оказывается, самый пронзительный, до глубины души пронимающий читателя звук может ничего не отражать видимым образом, а и вообще даже будто бы и не быть СЛОВОМ... а чем-то вроде стона... или вздоха... поверх слов, сквозь слова, за словами.

Оказывается даже, что этот стон, который до сих пор в народе «песней зовётся», неизбежно задыхается, если... материал не идёт на автора войной.

Южный ветер, ласковый, тёплый, пахнущий яблоком и кипарисом, мечется среди железобетонных монстров индустриального пейзажа — так возникает тонкий мелодический свист, красивый, странный... или — скрежет железа о камень... или — надсадный вой, когда упругое тело ветра схвачено водосточной трубой... или — далёкое-далёкое, еле слышное «а-а-а» свободного воздушного потока, вырвавшегося из бетонных джунглей. Или — тиканье будильника, беззвучный шорох электричества в замкнутом пространстве человеческого гнезда, которое так же противостоит железобетону, как распростёртые над городом свободные небеса...

...Прокляни меня, забудь красоту мою.

И прости, и в добрый путь... — Я тебя люблю. Светит церковь на крови, смотрит в жизнь мою. — Что ты знаешь о любви? — Я тебя люблю.

Слышен в поле храп коня, ветер по жнивью...

— Что глядишь ты на меня? — Я тебя люблю.

— Милый, странный человек, глупый, золотой...

Полюби меня навек. Я уйду с тобой!

Строчки, что не забываются, раз укол или нежно дохнув в глаза. Ни у кого таких нет больше. Неповторимые, единственные,

солнцевские — всё из того же песенного, тёплого, родственно близкого... «Свetaют полумесяцы ногтей на кончиках твоих уснувших пальцев...»

— Но почему ж я постарел, а ты не постарела?

— Ты на плохих людей смотрел, я на тебя
смотрела...

— Меня преследуют и ночь, и день
Застенчивая яблоня соседей,
Сцепивший пальцы памятный плетень,
Тень женщины печальной, дождь осенний...

Печальные женщины этих стихов так просты и печальны, так бесконечно терпеливы и жертвенны, так жалеемы, так любимы... так, нежно любимые, всё равно трагичны... Слишком холодные тени бросает на них обступивший со всех сторон Город! И они прячутся в беленькие кулёчки света, в туманные окна вагонов, в расплывающиеся по воздуху круги медленных вальсов...

Я вас и вальс, как ветку, берегу,
Положенную на кусок урана...

Любовь — состоявшаяся и всё равно недостижимая... Мир — состоявшийся и всё равно — сам в себе, тайный, скрытый, нестижимый... Городской пейзаж — на грани крика, в лицах, репликах, раздражающе узнаваемых. Политика, политика... Расея-магушка — и как нам обустроить?.. и что делать? и кто виноват? и всё равно — сквозь всё это — срывающийся голос мальчика, который ведь вот нашёлся же! Нашёлся!

Только жёстче и страшнее теперь железо и камень. Только люди заметно позлели. Только время норовит всё чаще — жгутом вокруг шеи.

Всё переменялось вокруг.

А мальчик — тот же?

Он взрослый теперь. Что-то такое за ним, что бывает только за взрослыми. Суровый жизненный опыт.

Но кажется мне... да! кажется до сих пор, что я нет-нет да слышу этот ясный, почти прозрачный — как майская рощица — голос. Тоненький посвист южного ветра в железобетонных джунглях.